

Академия. Гаремный квест

Книга 3



Данна Леднива

18+

Данна Леднива

Академия. Гаремный

квест. Книга 3

<https://litres.ru/74248228>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элиан вернулась из мира Тьмы. Она привела с собой Ксавьера, приняла свою тёмную суть и стала полной Хранительницей. Но покой, которого она так ждала, оказался лишь затишьем перед бурей.

Мир умирает. Свет выгорает без Тьмы, магия пяти стихий слабеет, а академия «Эрданос» рушится на глазах. Единственный способ спасти всё — вернуться в мир Тьмы и пройти через последнее, самое страшное испытание.

Элиан предстоит встретиться с Тёмным Лордом. С тем, кто называет себя её отцом. С тем, кто создал цикл перерождений, чтобы воскресить свою погибшую королеву. Она должна узнать правду о своём прошлом, принять свою кровь и разорвать цепь смертей, которая преследует Хранительниц тысячу лет.

Но цена свободы — жертва. Каждый из её пятерых мужчин должен отдать часть своей души, чтобы она стала целой. И если хоть один из них усомнится — она умрёт навсегда.

Она думала, что спасла мир. Но мир не хотел, чтобы его спасали. Единственный способ выжить — принять Тьму. Или стать ею.

Содержание

Пролог. Последняя капля	5
Глава 1. Прощание без обещаний и граница миров	20
Глава 2. Вход в нич	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Данна Леднива

Академия. Гаремный квест. Книга 3

Пролог. Последняя капля

Она падала.

Не вниз — а внутрь. В самое нутро земли, в самое сердце мира, туда, где камни помнили ещё первые заклинания, где воздух был густым от магии, как мёд, где время текло не линиями, а кругами — бесконечными, замкнутыми, без начала и конца.

Академия проваливалась.

Элиан видела это сверху — с высоты птичьего полёта, с той точки, где небо сходилось с землёй в одной бесконечной линии. Она видела, как башни «Эрданоса» — те самые, что стояли тысячу лет, те самые, что пережили войны, чуму, нашествия Тьмы — медленно, неуклонно уходили в землю. Не рушились. Не взрывались. А именно *проваливались* — как будто сама земля раскрыла пасть и начала глотать их, камень за камнем, арку за аркой.

Студенты кричали. Не от страха — от чего-то большего. От осознания, что то, что они считали незыблемым, руши-

лось. Что дом, в котором они жили, учились, любили, умирает.

Она видела Ашера — он стоял у ворот, его золотые глаза горели, как два солнца, но огонь в его ладонях был слабым, как свеча на ветру. Он пытался удержать стены магией, но они не слушались его. Они рассыпались под его пальцами, как сухой песок.

Она видела Бьорна — его огромная фигура была прижата к земле, его руки светились зелёным светом целительной магии, но земля под ним была мёртвой. Она не отвечала ему. Она... уходила.

Она видела Дориана — его ледяное копье было воткнуто в камень, но лёд таял. Таял, хотя вокруг был мороз. Его вода испарялась, как будто сама жизнь покидала её.

Она видела Кая — он кружился в воздухе, его ветер бился о невидимую стену, но стена не поддавалась. Она была не из камня, не из магии. Она была из... пустоты. Из того, чего не было.

И она видела себя — маленькую, в порванном платье, стоящую в центре двора. Пять рун на её теле пульсировали, но одна из них — чёрная, на её сердце — была тусклой. Почти погасшей.

Ксавьер, — подумала она, и боль ударила в грудь, как кулак. *Его нет. Его Тьмы нет. И без неё...*

Земля раскрыла пасть шире.

Академия провалилась полностью — башни, стены, двор,

подземелья. Всё — ушло в черноту. И последним исчез тронный зал — тот самый, где она впервые стала Хранительницей, где ей объявили о её новом статусе, где... где всё началось.

И тогда она проснулась.

Холодный пот пропитал простыню насквозь.

Элиан села на кровати — резко, так резко, что голова закружилась, и она схватилась за виски, чтобы не упасть обратно. Её сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбивалось, руки дрожали.

Сон. Просто сон.

Но она знала — это был не просто сон. Это было... предчувствие. Видение. Предупреждение.

Она провела рукой по лицу — пальцы были мокрыми. Не от пота. От слёз. Она плакала во сне. И сейчас — тоже.

Комната была погружена в полумрак. Магические кристаллы на стенах горели тускло — слишком тускло. Раньше они светились ровным, тёплым светом, который согревал даже в самые холодные ночи. Теперь их свет был болезненным, прерывистым, как дыхание умирающего.

Что-то не так, — подумала она, и холод прошёл по её спине. *Что-то... очень не так.*

Она встала с кровати — ноги дрожали, но она заставила себя идти. Босиком, по холодному каменному полу, к двери. Открыла её — и ахнула.

Коридор был... другим.

Стены — те самые стены, которые она знала с детства, которые помнили ещё первых ректоров — были покрыты трещинами. Тонкими, едва заметными, но... живыми. Они росли на её глазах — медленно, неуклонно, как корни дерева, которые пробиваются сквозь камень.

Магические светильники гасли.

Один за другим. Как свечи на ветру. Как звёзды, которые умирают на рассвете. Свет в коридоре становился всё тусклее, всё болезненнее, пока не остался только один — тот, что был прямо над её дверью. И он мигал. Мигал, как сердце, которое вот-вот остановится.

Академия умирает, — поняла она с ужасом. *Она... она умирает.*

И тогда она услышала голоса.

Не снаружи — а из тронного зала. Громкие, напряжённые, полные ярости и страха. Голоса, которые она знала наизусть.

Ашера. Бьорна. Дориана. Кая.

Все четверо.

Она бросилась бегом — босиком, в ночной рубашке, по холодным коридорам, мимо гаснущих светильников, мимо трескающихся стен. Её сердце колотилось, её дыхание сбивалось, её руки... её руки искали опоры.

Но она бежала.

Тронный зал был освещён только одним кристаллом —

тем, что висел над троном ректора. Его свет был тусклым, болезненным, но в нём она увидела их.

Все четверо.

Ашер стоял у окна — в чёрной мантии, с мечом на поясе. Его золотые глаза горели, но не так, как раньше. Не как два солнца. А как два уголька, которые вот-вот погаснут. Его руки дрожали — она видела это даже в полумраке. Его магия — его огонь — давала сбои. Из его ладоней вырывались маленькие языки пламени, но они были нестабильными, рваными, как будто огонь не хотел слушаться его.

Бьорн стоял у стены — огромный, молчаливый, с зелёными глазами, полными тревоги. Его руки были прижаты к камню, и из них текла слабая зелёная магия — но камень не отвечал. Он был мёртвым. Холодным. Как будто земля отказывалась слушать его.

Дориан сидел за столом — в военной форме, но безупречность её была нарушена. Его светлые волосы растрепались, его голубые глаза были красными — он не спал. Перед ним на столе стояла чаша с водой, и он пытался вызвать в ней лёд. Но вода не замерзала. Она просто... стояла. Мёртвая. Неподвижная.

И Кай.

Кай лежал на столе — в серой мантии, с пепельными волосами, развевающимися, хотя ветра не было. Его серые глаза смотрели в потолок, но она знала — он не видит потолка. Он видит что-то другое. Что-то, чего не видят остальные.

Его магия — его ветер — кружилась вокруг него, но была слабой. Как последний вздох.

Все четверо. Её связанные. Её мужчины. Её... семья.

И все четверо — умирали.

Не физически — но их магия. Их стихии. То, что делало их... ими.

— Элиан! — Ашер повернулся к ней первым, его золотые глаза расширились. — Ты... ты видела?

— Видела, — тихо произнесла она, подходя ближе. Её босые ноги ступали по холодному камню, но она не чувствовала его. Она чувствовала только... пустоту. Пустоту, которая росла в ней, как трещины в стенах. — Коридоры... стены... светильники...

— Всё рушится, — перебил Бьорн, и его голос был хриплым, сломанным. — Земля... земля не отвечает. Я чувствую её — она... она уходит. Как будто сама жизнь покидает её.

— Вода мёртвая, — тихо произнёс Дориан, не поднимая глаз от чаши. — Я не могу... я не могу вызвать даже каплю льда. Она... она просто стоит. Как будто... как будто в ней нет ничего.

— Воздух, — Кай усмехнулся — криво, горько, — воздух тоже устал. Он... он не хочет двигаться. Он хочет... лечь. И умереть.

Элиан остановилась в центре зала — маленькая, в белой ночной рубашке, с босыми ногами. Она чувствовала — все пятеро рун на её теле пульсировали. Но одна из них — чёр-

ная, на её сердце — была тусклой. Почти погасшей.

Ксавьер, — подумала она снова. *Его Тьма... она угасает. И без неё...*

— Что происходит? — тихо спросила она. — Почему... почему наши силы...

Ашер сжал кулаки — так сильно, что костяшки побелели.
— Я не знаю, — бросил он, и в его голосе была ярость. Не на неё — на мир. На себя. На что-то большее, чем он сам. — Я... я чувствую, как мой огонь... как он слабеет. Как будто... как будто что-то высасывает его из меня.

— Не высасывает, — тихо произнёс Кай, наконец оторвавшись от стола. Он сел — медленно, осторожно, как человек, который боится сломаться. — Не высасывает. Выгорает.

Все повернулись к нему.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Дориан, и в его голосе была надежда. Хрупкая, нежная, почти невидимая.

Кай посмотрел на них — на всех четверых. Его серые глаза были серьёзными — впервые за всё время, что она его знала. В них не было насмешки. Не было игры. А... понимание.

— Свет, — тихо произнёс он. — Свет... выгорает. Без Тьмы.

Тишина.

Абсолютная, оглушающая тишина.

— Что? — прошептала Элиан, и её голос дрогнул.

Кай помолчал. Потом медленно произнёс:

— Баланс, Элиан. Баланс стихий. Огонь и Вода. Земля и Воздух. Свет и... Тьма. Мы... мы забыли об этом. Мы думали, что Тьма — это враг. Что её нужно победить. Уничтожить. Изгнать. Но... но без неё Свет не может существовать. Как день не может существовать без ночи. Как жизнь... без смерти.

Он помолчал.

— Ксавьер ушёл, — тихо произнёс он. — Он ушёл в мир Тьмы. И без него... без его Тьмы... наш Свет... он выгорает. Как свеча без фитиля. Как огонь без воздуха.

Элиан почувствовала, как холод проходит по её спине.

Ксавьер, — подумала она. Его нет. Его Тьмы нет. И мир... мир умирает.

— Что... что мы можем сделать? — прошептала она.

Кай посмотрел на неё — и в его глазах было что-то новое. Не насмешка. Не игра. А... принятие.

— Только одно, — тихо произнёс он. — Вернуть его.

Они спорили час.

Или больше — она потеряла счёт времени. Каждый из них — по-своему — пытался найти решение. Каждый — по-своему — боялся.

Ашер был самым громким. Он ходил из угла в угол, как зверь в клетке, его золотые глаза горели, его кулаки сжимались так, что костяшки белели.

— Мы не можем просто... просто пойти к нему! — бро-

сал он, останавливаясь перед ней. — Он... он Тьма. Он... он опасен. Он... он может...

— Что? — перебил Кай, и в его голосе была сталь. — Убить нас? Использовать нас? Забрать нашу магию? Ашер... посмотри вокруг. Посмотри на стены. На светильники. На... на себя. Твоя магия... она умирает. И если мы не найдём его... мы все умрём.

— Я не боюсь умереть, — прорычал Ашер. — Я боюсь... я боюсь, что она... что она...

Он не закончил. Не смог.

Бьорн был самым тихим. Он стоял у стены, его огромная фигура была прижата к камню, его зелёные глаза смотрели в пол. Он не говорил. Не спорил. Не пытался никого переубедить. Он просто... стоял. Как щит. Как стена. Как тот, кто всегда рядом.

Но когда он наконец заговорил — его голос был тихим, хриплым, как шёпот из могилы.

— Я... я чувствую её, — произнёс он. — Землю. Она... она мёртвая. Но под смертью... под смертью я чувствую что-то. Что-то... знакомое. Как будто... как будто она ждёт. Ждёт... его.

Дориан был самым холодным. Но это был не тот холод, что раньше. Не тот, что прятался за маской генерала. А другой — холод человека, который борется с собой. Который... который не хочет отпускать.

— Если мы пойдём к нему, — тихо произнёс он, — мы...

мы потеряем её. Он... он Тьма. Он... он может забрать её. И мы... мы не сможем её вернуть.

— Я не позволю ему забрать меня, — тихо произнесла Элиан. — Я... я знаю его. Я... я видела его душу. И я... я знаю, что он не сделает этого.

— Ты уверена? — спросил Дориан, и в его голосе была боль. Не холод. А... боль.

— Да, — кивнула она. — Я уверена.

И тогда — она приняла решение.

Она стояла в центре тронного зала — маленькая, в белой ночной рубашке, с босыми ногами. Она чувствовала — все пятеро рун на её теле пульсировали. Но одна из них — чёрная, на её сердце — была тусклой. Почти погасшей.

Ксавьер, — подумала она. *Я иду за тобой.*

— Я иду к нему, — тихо произнесла она.

Тишина.

Абсолютная, оглушающая тишина.

Ашер замер. Его золотые глаза расширились — на долю секунды, но она успела увидеть. Увидела, как маска треснула. Как под ней мелькнуло что-то хрупкое, раненое, отчаянно нуждающееся.

— Что? — прошептал он. — Ты... ты не можешь...

— Могу, — перебила она. — И я... я должна. Потому что если я не пойду... мы все умрём. И не только мы. Весь мир.

— Нет! — он шагнул к ней, его руки сжались в кулаки.

— Я не позволю! Я... я связан с тобой. Я — твой огонь. Я... я не отпущу тебя.

— Ашер...

— Нет! — его голос сорвался на крик. — Ты... ты не понимаешь. Он... он Тьма. Он... он опасен. Он... он может...

— Что? — перебил Кай, и в его голосе была сталь. — Убить её? Использовать её? Забрать её магию? Ашер... посмотри вокруг. Посмотри на стены. На светильники. На... на себя. Твоя магия... она умирает. И если мы не найдём его... мы все умрём. Быстрее, чем признаем это.

Ашер замер.

Его золотые глаза встретились с серыми глазами Кая — и в этой встрече было что-то, от чего у неё перехватило дыхание. Не ярость. Не ревность. А... понимание. Признание поражения.

— Ты... ты серьёзно? — прошептал он, и его голос дрогнул. — Ты... ты правда думаешь, что...

— Я знаю, — тихо произнёс Кай. — Я... я чувствую это. Воздух... он говорит со мной. Он... он шепчет. Он говорит... что без Тьмы... без неё... мы... мы не выживем.

Ашер отвернулся — его плечи затряслись. Не от рыданий — от ярости. От бессилия. От... от чего-то большего, чем он сам мог вынести.

И тогда — он ударил.

Его кулак опустился на стол — с такой силой, что дерево треснуло. Чаша с водой Дориана перевернулась, вода разли-

лась по столу, капая на пол. Бумаги разлетелись. Кристалл над тронами мигнул — и погас.

— НЕТ! — прорычал он, и его голос эхом разнёсся по залу. — Я... я не позволю! Я... я не отпущу её! Я... я...

Он ударил снова — и снова. Стол трещал под его кулаками, дерево ломалось, щепки летели в воздух. Его золотые глаза горели, как два солнца, но в них были слёзы. Настоящие, живые слёзы, которые он не прятал.

— Я не отпущу её, — прошептал он, и его голос был хриплым, сломанным. — Я... я не переживу этого. Я... я не смогу...

Элиан подошла к нему — медленно, осторожно, как подходят к раненому зверю. Она положила руку на его плечо — мягко, нежно, как будто боялась сломать его.

— Ашер, — тихо произнесла она. — Посмотри на меня.

Он поднял глаза — и в его золотых глазах была такая боль, что она не могла дышать.

— Я вернусь, — прошептала она. — Обещаю. Я... я всегда возвращаюсь.

— Ты... ты обещаешь, — его голос дрогнул. — Ты... ты всегда обещаешь.

— И всегда возвращаюсь, — перебила она. — Потому что я... я люблю вас. Всех. И я... я не могу оставить вас.

Он посмотрел на неё — долго, мучительно. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — прошептал он. — Но... но если ты не вер-

нѣшься... я... я сожгу этот мир дотла. Я... я найду его. В мире Тьмы. В самой бездне. И я... я сожгу его.

Она улыбнулась — слабо, устало, но искренне.

— Обещаю, — прошептала она. — Я вернусь.

Кай усмехнулся — криво, горько, но... с облегчением.

— Она права, — тихо произнёс он, и его голос был мягким, бархатистым. — Мы... мы умрём быстрее, чем признаем это. И если мы не отправим её... мы все... мы все...

Он не закончил. Не смог.

Бьорн кивнул — медленно, неохотно. Его зелёные глаза были полны слёз, которые он не прятал.

— Я... я буду ждать, — тихо произнёс он. — Всегда.

Дориан поднял глаза — и в его голубых глазах была сталь. Не холод. А... решимость.

— Если ты не вернёшься, — тихо произнёс он, — я приду за тобой. В мир Тьмы. В самую бездну. И я... я найду тебя. Даже если мне придётся заморозить весь мир.

Элиан посмотрела на них — на всех четверых. На своих мужчин. На свою семью.

И она поняла — она не одна.

Она никогда не была одна.

Даже когда думала, что одна. Даже когда называла себя Пустышкой. Даже когда верила, что она — ничто.

Она была центром. Вокруг неё вращался мир. Пять мужчин. Пять стихий. Пять судеб, переплетённых с её собствен-

ной.

И она — была их Хранительницей.

— Я вернусь, — тихо произнесла она. — Обещаю.

И она вышла из тронного зала — в ночь, в неизвестность, в... в него.

В мир Тьмы.

К Ксавьеру.

К себе.

За её спиной — тишина. Потом — шёпот. Потом — спор.

Но она не оглядывалась.

Она шла — босиком, в белой ночной рубашке, по холодным коридорам, мимо гаснувших светильников, мимо трескающихся стен. Её сердце колотилось, её дыхание сбивалось, её руки... её руки искали опоры.

Но она шла.

Она знала — впереди её ждёт мир Тьмы. Мир, которого она боялась. Мир, от которого она убегала. Мир, который... который был частью её.

И она знала — впереди её ждёт он. Ксавьер. Тот, кого она любила. Тот, кого она отвергла. Тот, кто... кто ждал её.

Десять лет. Сто лет. Вечность.

Я иду, Ксавьер, — мысленно прошептала она. *Я иду за тобой. Прости меня... за всё.*

И она вышла из академии — в ночь, в неизвестность, в... в него.

Последняя капля переполнила чашу.
Мир начинал умирать.
И только она — могла его спасти.

Глава 1. Прощание без обещаний и граница миров

Утро было серым.

Не таким, как обычно — не тёплым, не живым, не пахнущим росой и хлебом из пекарни академии. А другим. Болезненным. Как будто само небо заболело вместе с землёй, как будто солнце не хотело подниматься, потому что знало — свет больше не спасёт.

Элиан стояла посреди своей спальни — той самой, в башне первого ректора, где когда-то она впервые проснулась Хранительницей. Комната была той же — высокий потолок, узкие окна-бойницы, кровать с белым балдахинем. Но что-то изменилось. Воздух стал... тоньше. Как будто сама реальность здесь истончилась, готовая вот-вот порваться.

Она собиралась в путь.

Маленький кожаный рюкзак лежал на кровати — тот, что Бьорн сделал для неё ещё в первую неделю после возвращения из мира Тьмы. В нём — смена одежды, фляга с водой, мешочек с сухарями, баночка с мазью (подарок Бьорна), маленький кристалл (подарок Дориана), стеклянная сфера с вихрем внутри (подарок Кая). И корень дуба, вплетённый в косу — подарок, который она ещё не получила.

Но сначала были прощания.

Она знала — каждое из них будет последним. Не потому что она умрёт. А потому что она вернётся другой. Изменённой. Той, кто прошла через Тьму и выжил.

Или не выжил.

Она посмотрела в зеркало — и увидела незнакомку. Девушку с серыми глазами, в которых горел огонь пяти стихий. С пятью рунами на теле — красной, зелёной, синей, серой, чёрной. С косой, в которой ещё не было корня дуба. С губами, которые ещё не целовал Ашер в последний раз.

Это я,— подумала она. *Это... это та, кем я должна стать.*

Стук в дверь.

— Войди, — тихо произнесла она.

Ашер вошёл первым.

Он не постучал второй раз — просто распахнул дверь и вошёл, как всегда, как буря, как пожар, как тот, кто не умеет ждать. Его золотые глаза горели, но не так, как раньше. Не как два солнца. А как два уголька, которые вот-вот погаснут, но цепляются за последнюю искру.

Он был в чёрной мантии, с мечом на поясе. Его рыжие волосы были собраны в хвост, но несколько прядей выбились и падали на лицо. Его лицо... его лицо было перекошено от ярости. Не на неё. На мир. На себя. На что-то большее, чем он сам мог вынести.

— Ты уходишь, — бросил он, не спрашивая. Не утвер-

жда. Констатируя факт.

— Да, — тихо произнесла она.

— Без меня.

— Да.

— Потому что ты... — его голос дрогнул. — Потому что ты выбрала его. Выбрала Тьму. Выбрала... его.

Она подошла к нему — медленно, осторожно, как подходят к раненому зверю. Положила руку на его грудь — туда, где билось его сердце. Оно билось быстро, неровно, как у человека, который боится.

— Ашер, — прошептала она. — Я не выбираю его. Я выбираю... нас. Всех нас. Весь мир. Если я не пойду...

— Знаю! — крикнул он, и его голос эхом разнёсся по комнате. — Знаю, чёрт побери! Я... я не дурак. Я... я всё понимаю. Но... но это не делает мне легче.

Он схватил её за руку — резко, грубо, так, что она ахнула. Его пальцы были горячими, почти обжигающими. Его огонь — его яростный, неконтролируемый огонь — рвался наружу.

— Ты думаешь, я не понимаю? — его голос был хриплым, сломанным. — Ты думаешь, я не вижу, как мир умирает? Как мой огонь... как он слабеет? Как я... я еле держусь, чтобы не сжечь всё вокруг?

Он притянул её к себе — резко, жадно, так, что она потеряла равновесие. Её тело прижалось к его, его руки обвились её талию, его лицо оказалось в дюйме от её.

— Но я... я не могу, — прошептал он. — Я не могу просто... отпустить тебя. Я... я не умею. Я... я никогда не умел.

И тогда он поцеловал её.

Это был не поцелуй нежности. Не поцелуй любви. Это был поцелуй ярости — жадный, требовательный, почти жестокий. Его губы были горячими, его язык — властным, его руки... его руки сжимали её запястье так, что она застонала от боли.

Он целовал её так, словно хотел оставить след. Метку. Знак того, что она — его. Что она всегда будет его. Что даже в мире Тьмы, даже в самой бездне, она будет помнить его вкус, его жар, его... его любовь.

Когда он оторвался от её губ, на её запястье был синяк. Красный, болезненный, живой. След его пальцев. След его огня. След его... отчаяния.

— Вернись, — прошептал он, и его голос дрогнул. — Вернись... или я сожгу этот мир дотла. Я... я найду его. В мире Тьмы. В самой бездне. И я... я сожгу его. Я сожгу всё. Только... только вернись.

Она посмотрела на него — и увидела в его золотых глазах не ярость. Не ревность. А... страх. Настоящий, живой, отчаянный страх. Страх человека, который всю жизнь прятался за маской жестокости, и который впервые... впервые позволил себе быть уязвимым.

— Я вернусь, — прошептала она. — Обещаю.

Он кивнул — медленно, неохотно. Потом отступил на шаг

— резко, как будто его прикосновение обожгло его. Как будто он не мог больше держать её, потому что боялся, что если будет держать — не отпустит никогда.

— Иди, — бросил он, не поднимая глаз. — Иди... пока я не передумал.

Она вышла — не оглядываясь. Потому что знала — если оглянется, не уйдёт.

Бьорн ждал в коридоре.

Он стоял у окна — огромный, молчаливый, в зелёной мантии целителя. Его зелёные глаза смотрели в серое небо, но она знала — он не видит неба. Он думал о ней. О них. О том, что было в лазарете. О том, что будет... если она не вернётся.

Когда она подошла, он повернулся — медленно, осторожно, как человек, который боится спугнуть. Его лицо было непроницаемым, как камень. Но в его глазах... в его глазах были слёзы. Настоящие, живые слёзы, которые он не прятал.

— Элиан, — тихо произнёс он. — Ты... ты готова?

— Да, — кивнула она.

Он помолчал. Потом медленно поднял руку — и коснулся её волос. Его пальцы были тёплыми, шершавыми, с мозолями от работы с камнем. Но в этом прикосновении было что-то — что-то, что она забыла, как это — быть защищённой.

— Я... я хочу дать тебе это, — тихо произнёс он.

Он достал из кармана мантии маленький корень — тёмный, узловатый, пахнувший землёй и чем-то ещё — чем-то

древним, живым. Корень дуба. Древнего дуба, который рос во дворе академии тысячу лет.

— Это... это оберег, — произнёс он. — Я... я выкопал его сам. Ночью. Когда... когда не мог уснуть. Он... он защитит тебя. Во тьме. В холоде. В... в одиночестве.

Она замерла.

— Бьорн...

— Позволь, — перебил он, и его голос дрогнул. — Пожалуйста... позволь мне.

Она кивнула — и он начал вплетать корень в её косу. Медленно, осторожно, как будто это был ритуал. Как будто он вплетал не корень, а... часть себя. Часть своей магии. Часть своей души.

Его пальцы скользили по её волосам — нежно, почти благоговейно. Он не говорил. Не плакал. Просто... делал. Молча. Сосредоточенно. Как человек, который нашёл своё призвание.

Когда он закончил, он отступил на шаг — и посмотрел на неё. В его зелёных глазах были слёзы, но он не вытирал их. Не прятал. Не стеснялся.

— Теперь... теперь ты не одна, — тихо произнёс он. — Даже во тьме. Даже в самой бездне. Я... я буду с тобой. В этом корне. В... в моей магии. В... в моей любви.

Она посмотрела на него — и почувствовала, как слёзы текут по её щекам.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо... за всё.

Он покачал головой — медленно, неохотно.

— Не благодари, — тихо произнёс он. — Просто... просто вернись. Пожалуйста... вернись.

Она кивнула — и обняла его. Его огромное тело было тёплым, живым, пахнущим травами и землёй. Его руки обвили её — осторожно, как будто он боялся сломать её. Как будто он хотел укрыть её от всего мира.

Они стояли так долго — молча, обнявшись, слушая, как бьются их сердца.

Потом он отстранился — медленно, неохотно. Посмотрел на неё — и в его глазах было что-то новое. Не боль. Не вина. А... принятие.

— Иди, — тихо произнёс он. — Я... я буду ждать. Всегда.

Она кивнула — и пошла дальше. По коридору. К следующему прощанию.

Кай ждал на лестнице.

Он сидел на ступеньках — в серой мантии, с пепельными волосами, развевающимися, хотя ветра не было. Его серые глаза смотрели в потолок, но она знала — он не видит потолка. Он видит что-то другое. Что-то, чего не видят остальные.

Когда она подошла, он поднял голову — и улыбнулся. Той самой улыбкой, которая была его маской. Насмешливой, игривой, обманчивой. Но под маской — она видела боль. Настоящую, живую, отчаянную.

— Милая, — произнёс он, и его голос был мягким, бар-

хатистым. — Ты... ты действительно уходишь?

— Да, — кивнула она.

Он помолчал. Потом медленно встал — его движения были плавными, как у хищника. Как у ветра. Он подошёл к ней — и протянул руку.

В его ладони лежала маленькая стеклянная сфера. Внутри неё кружился вихрь — маленький, живой, пульсирующий. Он был серым, как облако, но в нём были искры — золотые, зелёные, синие. Как будто в нём были... все стихии.

— Это... это карманный ветер, — тихо произнёс он. — Я... я создал его сам. Из своего воздуха. Из... из своей души.

Он протянул сферу ей — осторожно, как будто она была из стекла.

— Он... он будет с тобой, — прошептал он. — Когда тебе будет одиноко... когда тебе будет страшно... когда ты... ты будешь думать, что тебя все бросили... он... он напомним тебе. Что я... что я здесь. Что я... что я всегда рядом.

Она взяла сферу — осторожно, как будто она была из стекла. Она была тёплой на ощупь, как будто в ней была не магия, а... часть его. Часть его души.

— Кай, — прошептала она. — Я... я не знаю, как...

— Не благодари, — перебил он, и в его голосе впервые прорезалась сталь. Не насмешка. Не игра. А... сталь. — Я... я не хочу твоей благодарности. Я... я хочу, чтобы ты вернулась. Чтобы ты... чтобы ты была жива. Чтобы я... чтобы я мог снова увидеть твою улыбку.

Он помолчал.

— Я... я предал тебя однажды, — тихо произнёс он. — Я... я не хочу предавать тебя снова. Но... но если ты не вернёшься... я... я не переживу этого. Я... я не смогу...

Он не закончил. Не смог.

Она посмотрела на него — и увидела в его серых глазах не насмешку. Не игру. А... любовь. Тихую, отчаянную, безнадёжную.

— Я вернусь, — прошептала она. — Обещаю.

Он улыбнулся — слабо, печально, но... искренне.

— Я знаю, — тихо произнёс он. — Ты... ты всегда возвращаешься.

Он наклонился — и поцеловал её в щёку. Не страстно. Не жадно. А... нежно. Как прощание. Как обещание. Как... как возвращение.

Когда он отстранился, он посмотрел на неё — и в его глазах были слёзы. Настоящие, живые слёзы, которые он не прятал.

— Иди, — прошептал он. — Я... я буду ждать. Всегда.

Она кивнула — и пошла дальше. По лестнице. К следующему прощанию.

Дориан ждал у выхода.

Он стоял у двери — в военной форме, с ледяным копьём в руке. Его светлые волосы были собраны в хвост, его голубые глаза были холодными, как лёд. Но она знала — под холодом

была буря. Буря ревности, боли, одержимости.

Когда она подошла, он повернулся — и она увидела его лицо.

И ахнула.

Его лицо было мокрым от слёз. Настоящих, живых слёз, которые текли по его бледным щекам, которые он больше не прятал. Его голубые глаза были красными, его губы дрожали, его плечи... его плечи тряслись.

— Дориан, — прошептала она. — Ты...

— Не говори, — перебил он, и его голос был хриплым, сломанным. — Не... не говори ничего. Потому что если ты... если ты скажешь хоть слово... я... я не смогу тебя отпустить.

Он сделал шаг вперёд — и упал на колени.

Резко, неуклюже, как человек, который не умеет просить. Как человек, который всю жизнь был генералом, командиром, тем, кто отдавал приказы. А теперь... теперь он был на коленях. Перед ней. Как проситель. Как... как тот, кто любит.

— Элиан, — прошептал он, и его голос дрогнул. — Я... я не могу... я не могу...

Он достал из-за пазухи маленький кристалл — тёмно-синий, почти чёрный. Внутри него что-то слабо пульсировало. Не магия — а... слёзы. Его слёзы. Настоящие, живые, которые он... он собрал. Сохранил. Превратил в... это.

— Это... это мой кристалл, — прошептал он. — Я... я сделал его... из своих слёз. Из... из своей боли. Из... из своей любви.

Он протянул кристалл ей — медленно, осторожно, как будто боялся сломать.

— Если... если будет слишком больно... если Тьма... если она начнёт пожирать тебя... если ты... ты будешь умирать... разбей его. И я... я приду. Неважно, где ты будешь. Неважно, как далеко. Я... я приду. Даже если мне придётся заморозить весь мир.

Элиан взяла кристалл — осторожно, как будто он был из стекла. Он был холодным на ощупь, но под холодом она чувствовала тепло. Тепло магии. Тепло надежды. Тепло... его любви.

— Дориан, — прошептала она. — Я... я не заслуживаю...

— Заслуживаешь, — перебил он, и его голос стал твёрже. Не холод. А... сталь. — Ты... ты заслуживаешь всего. Ты... ты заслуживаешь моей жизни. Моей души. Моей... моей любви.

Он поднял на неё глаза — и в них было что-то новое. Не холод. Не боль. А... принятие.

— Я... я люблю тебя, — прошептал он. — Я... я всегда любил. С того самого дня в приюте. С того самого... с того самого момента, когда ты... когда ты посмотрела на меня и... и улыбнулась.

Он помолчал.

— Я... я не могу идти с тобой, — тихо произнёс он. — Я... я военный советник. Я должен защищать академию. Но... но я могу дать тебе это. Могу... могу ждать. Могу... могу любить тебя. Даже на расстоянии. Даже... даже во тьме.

Она опустилась на колени рядом с ним — медленно, осторожно, как человек, который боится спугнуть. Её колени коснулись холодного камня, её руки нашли его лицо — мокрое от слёз, холодное, как лёд. Но под холодом — было что-то живое. Что-то, что она узнала.

— Дориан, — прошептала она. — Я... я вернусь. Обещаю. Он закрыл глаза — и слёзы потекли быстрее.

— Ты... ты всегда обещаешь, — прошептал он. — И всегда... всегда возвращаешься.

— Потому что я... я люблю вас, — перебила она. — Всех. И я... я не могу оставить вас.

Он открыл глаза — и посмотрел на неё. В его голубых глазах было что-то новое. Не холод. Не боль. А... надежда. Хрупкая, нежная, почти невидимая.

— Тогда... тогда иди, — тихо произнёс он. — Я... я буду ждать. Всегда.

Она наклонилась — и поцеловала его. Не страстно. Не жадно. А... нежно. Как прощание. Как обещание. Как... как возвращение.

Его губы были холодными, как лёд. Но под холодом — было что-то живое. Что-то, что она узнала.

Когда она оторвалась от его губ, он посмотрел на неё — и в его глазах были слёзы. Но это были другие слёзы. Не от боли. От... благодарности.

— Моя, — прошептал он. — Ты... ты всегда была моей.

— Твоя, — прошептала она. — Всегда.

Он встал — медленно, осторожно, как человек, который учится двигаться заново. Протянул ей руку — и она взяла её. Он поднял её на ноги — и они стояли, глядя друг на друга.

— Иди, — тихо произнёс он. — Я... я буду ждать.

Она кивнула — и пошла к двери.

К выходу.

К нему.

Она вышла в ночь.

Не оглядываясь. Не потому что не хотела — а потому что боялась. Боялась, что если оглянется — не уйдёт. Что если увидит их лица — Ашера, Бьорна, Кая, Дориана — то не сможет сделать ни шага.

Ночь была холодной, пахнувшей дымом и землёй. Луна висела высоко — огромная, почти полная, серебряная. Её свет падал на разрушенные стены академии, на пепел, на... на неё.

Она шла — босиком, в простой тёмной рубашке, с маленьким рюкзаком за плечами. В её волосах был корень дуба — подарок Бьорна. В её руке — стеклянная сфера с вихрем — подарок Кая. В её кармане — кристалл со слезами — подарок Дориана. На её запястье — синяк — подарок Ашера.

Четыре дара. Четыре мужчины. Четыре... части её души.

Она шла — и чувствовала, как что-то внутри неё сжимается. Не боль — а... пустота. Пустота, которая росла в ней, как трещины в стенах академии. Как трещины в самом мире.

Я иду, Ксавьер, — мысленно прошептала она. *Я иду за то-*

бой. Прости меня... за всё.

Она шла всю ночь — через разрушенные коридоры, через пустые залы, через... через конец одной жизни и начало другой. Её ноги болели, её дыхание сбивалось, её руки... её руки дрожали.

Но она шла.

Потому что знала — впереди её ждёт мир Тьмы. Мир, которого она боялась. Мир, от которого она убегала. Мир, который... который был частью её.

И она знала — впереди её ждёт он. Ксавьер. Тот, кого она любила. Тот, кого она отвергла. Тот, кто... кто ждал её.

Десять лет. Сто лет. Вечность.

На рассвете второго дня она увидела деревню.

Маленькую, бедную, с глиняными хижинами и покосившимися заборами. Когда-то, наверное, она была живой — с дымом из труб, с криками детей, с запахом хлеба из печей. Но сейчас... сейчас она была мёртвой.

Не разрушенной. Не сожжённой. А... мёртвой.

Элиан подошла ближе — и ахнула.

Люди лежали на земле — мужчины, женщины, дети. Они не были мертвы — их груди поднимались и опускались, их сердца бились. Но их глаза... их глаза были пустыми. Пустыми, как колодцы без воды. Как дома без огня. Как... как души без тела.

Они не двигались. Не говорили. Не плакали. Просто... ле-

жали. Смотрели в небо. И... ничего не чувствовали.

Что с ними?— подумала Элиан с ужасом. *Что... что случилось?*

Она опустилась на колени рядом с женщиной — молодой, с длинными тёмными волосами, с ребёнком на руках. Ребёнок был тихим — слишком тихим. Он не плакал, не двигался. Просто... лежал. Смотрел в небо. И... ничего не чувствовал.

Элиан протянула руку — и коснулась её лба. Её кожа была тёплой, живой. Но под теплом... под теплом была пустота. Пустота, которая высасывала всё — эмоции, чувства, жизнь.

Они умирают не от голода, — поняла она с ужасом. *Они... они умирают от пустоты.*

Она закрыла глаза — и попыталась вызвать Свет. Огонь Ашера — чтобы согреть их. Воду Дориана — чтобы напоить. Землю Бьорна — чтобы исцелить. Воздух Кая — чтобы вдохнуть жизнь.

И Свет — пришёл.

Огонь согрел их тела. Вода напоила их губы. Земля укрепила их кости. Воздух наполнил их лёгкие.

Но их глаза... их глаза остались пустыми.

Они не улыбнулись. Не заплакали. Не поблагодарили. Просто... лежали. Смотрели в небо. И... ничего не чувствовали.

Свет не может их спасти, — поняла она с ужасом. *Свет... свет может исцелить тела. Но души... души остаются*

мёртвыми.

Она посмотрела на женщину — на её пустые глаза, на её тихого ребёнка, на её... её мёртвую душу. И почувствовала — что-то внутри неё сжимается. Не боль — а... понимание.

Тьма — это не зло,— подумала она. Тьма... это глубина чувств. Это... это то, что делает нас живыми. Это... это то, что позволяет нам чувствовать боль. И радость. И любовь. И...

Без Тьмы — нет чувств.

Без Тьмы — нет жизни.

Без Тьмы — нет... нас.

Она встала — медленно, осторожно, как человек, который учится двигаться заново. Посмотрела на деревню — на мёртвых людей, на пустые глаза, на... на конец одной жизни.

И пошла дальше.

К Теневому разлому.

К Ксавьеру.

К Тьме.

К себе.

На третий день она увидела его.

Теневой разлом — стена чёрного тумана, которая поднималась от земли до самого неба. Она была невидимой издали — только когда подошла близко, увидела её. Стена была живой — она двигалась, дышала, шептала. Тысячи голосов — мужских, женских, детских — шептали из неё. Как будто

в ней были... души.

Элиан остановилась перед стеной — маленькая, в простой тёмной рубашке, с маленьким рюкзаком за плечами. Её сердце колотилось, её дыхание сбивалось, её руки... её руки дрожали.

Это оно, — подумала она. *Это... это ворота в мир Тьмы.*

Она протянула руку — и коснулась стены. Туман был холодным, живым, пахнущим ночью и чем-то ещё — чем-то, что она не могла назвать. Он обвинил её руку — нежно, почти ласково. Как будто... как будто она была желанной гостьей.

Я иду, Ксавьер, — мысленно прошептала она. *Я иду за тобой.*

И она шагнула в черноту.

Мир исчез.

Не постепенно — а мгновенно. Как будто её вырвали из реальности и бросили в... ничто. Она падала — быстро, неконтролируемо, как камень. Ветер свистел в ушах, волосы развевались, мир... мира больше не было. Только тьма. Абсолютная, всепоглощающая, живая.

Она чувствовала, как Тьма обвивает её — не как враг, а как... как мать, обнимающая ребёнка. Как кокон. Как... как возвращение домой.

Это я, — подумала она, и мысль была не испугом, а принятием. *Это... это часть меня.*

И тогда — падение прекратилось.

Не резко. Не с ударом. А... плавно. Как будто она не упала, а... опустилась. Как лист на воду. Как перо на ладонь. Как... как возвращение домой.

Её ноги коснулись пола — твёрдого, холодного, каменно-го. Она стояла. Живая. Целая. Дышащая.

Она открыла глаза.

И увидела... серый пепел.

Вокруг неё не было ничего — только серый пепел, который простирался до горизонта. Небо было серым, земля была серой, воздух был серым. Как будто мир потерял все цвета — и остался только... пепел.

И шёпоты.

Тысячи шёпотов — мужских, женских, детских. Они звучали отовсюду — из пепла, из неба, из... из неё самой. Они шептали имена. Её имя.

Элиан... Элиан... Элиан...

Она сделала шаг — и упала.

Её ноги подкосились, её руки схватились за пепел, её лицо ударилось о холодную землю. Она попыталась встать — но не смогла. Её тело было слабым, как после долгой болезни. Её магия — все пять стихий — была... отключена. Как будто её выключили, как свет в комнате.

Я ослепла, — подумала она с ужасом. *Я... я потеряла магию.*

Она лежала на пепле — маленькая, слабая, беззащитная. Её сердце колотилось, её дыхание сбивалось, её руки... её ру-

ки искали опоры.

И тогда — она увидела их.

Хранителей Теней.

Они стояли в нескольких шагах от неё — высокие, стройные, в длинных чёрных плащах. Их лица... их лиц не было. Только тень капюшона, под которой была... пустота. Они не двигались. Не говорили. Просто... стояли. Смотрели на неё.

Она ожидала, что они нападут. Что они убьют её. Что они... они сделают что-то страшное.

Но они не напали.

Один из них — самый высокий — поднял руку. И указал — вдаль. В сторону горизонта. Как будто... как будто он указывал ей путь.

Элиан посмотрела на него — и медленно, осторожно, встала. Её ноги дрожали, её дыхание сбивалось, её руки... её руки искали опоры.

Но она встала.

И пошла.

За Хранителями Теней.

В мир Тьмы.

К Ксавьеру.

К себе.

Её ноги болели — с каждым шагом пепел врезался в её кожу, оставляя кровавые следы. Её руки дрожали — от холода, от страха, от... от чего-то большего, чем она сама могла вынести. Её дыхание сбивалось — каждый вдох был как

глотание стекла.

Но она шла.

Потому что знала — впереди её ждёт он. Ксавьер. Тот, кого она любила. Тот, кого она отвергла. Тот, кто... кто ждал её.

Десять лет. Сто лет. Вечность.

Я иду, Ксавьер, — мысленно прошептала она. Я иду за тобой. Прости меня... за всё.

И она шла — через серый пепел, через шёпоты, через... через конец одной жизни и начало другой.

К нему.

К Тьме.

К себе.

Глава 2. Вход в нич

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.